

Денис Ермолин, Александра Дугушина

Конференция «Балканский спектр: от света к цвету» (Балканские чтения — 11)

22–24 марта 2011 г. в Институте славяноведения РАН (Москва) состоялась традиционная, на этот раз одиннадцатая, конференция «Балканские чтения». Тему чтений организаторы определили следующим образом: «Балканский спектр: от света к цвету». Мероприятие было организовано ЦЛИ «Balcanica». На конференции прозвучали 26 докладов и 3 сообщения, подготовленные лингвистами, филологами, этнографами и искусствоведами. К слову, почти половина докладчиков представляла различные зарубежные научные и учебные организации.

В задачи конференции входило, прежде всего, рассмотрение концептов *света* и *цвета* в балканской картине мира с привлечением лингвистических, фольклорных, мифоритуальных, литературных, народно-художественных материалов от древности до современности. Второй заявленной темой работы был круг вопросов, посвященных актуальным проблемам лингвистической балканистики, что также нашло свое отражение в докладах ряда участников. Забегая вперед, нужно отметить, что выбор столь нетривиальной темы и вынесение данного круга вопросов на обсуждение оказалась весьма успешными, что выразилось в содержательных докладах, жарких дискуссиях и увлеченных беседах в кулуарах. Но обо всем по порядку.

Денис Сергеевич Ермолин
Музей антропологии
и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
denis.ermolin@gmail.com

Александра Сергеевна Дугушина
Санкт-Петербургский
государственный университет
dygi@inbox.ru

В приветственном слове руководитель ЦЛИ «Balcanica» И.А. Седакова напомнила, что свет и цвет — понятия, определяющие очень многое, и крайне важной задачей для исследователей, работающих с балканским материалом, является соотнесение данных концептов с тем, что называется картиной мира балканского человека.

Непосредственно этой тематике был посвящен совместный доклад **П. Асеновой** (Софийский университет, Болгария) и **У. Дуковой** (Франкфуртский университет, Германия) «*Homo Balcanicus* в мрак и на светлина» («*Homo Balcanicus* во тьме и на свету»). На материале балканских языков докладчики рассмотрели лексемы семантических полей оппозиции «свет—тьма» с точки зрения грамматических (синтаксических и морфологических) особенностей и проследили за тем, какие из этих лексем обладают более яркими балканскими категориальными признаками, что, безусловно, находит свое отражение в картине мира *Homo Balcanicus*.

Интересную гипотезу, также основанную на материале балканских языков, выдвинул **Б. Джозеф** (Университет штата Огайо, США) в докладе “Sound Symbolism and Light in the Balkans” («Звукосимволизм и свет на Балканах»). По мнению докладчика, между некоторыми кластерами согласных (*tsV-*, *dz-*) в лексемах албанского и новогреческого языков и семантическим полем «свет—вспышка—огонь», в которое входят данные лексемы, существует корреляционная зависимость. Выдвинутая гипотеза, с точки зрения автора, может успешно применяться в отношении других (небалканских) языков.

В мир древних славянских текстов увлекла за собой **Э. Црвенковска** (Университет св. Кирилла и Мефодия, Македония). В докладе «Светлината во црковнославенската химнография на Балканот» («Свет в церковнославянской гимнографии Балкан») она рассмотрела все многообразие лексем, объединенных семантикой концепта «свет» и встречающихся в первых гимнографических текстах на церковнославянском языке. Э. Црвенковска анализирует употребление данных слов (в том числе с новыми, метафорическими коннотациями) с точки зрения усвоения византийской традиции и влияния культурно-языковых контактов на Балканах.

Отдельным блоком на конференции был представлен античный материал. **Н.Н. Казанский** (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Светозарность цвета в Древней Греции и в Риме» проследил за веером цветообозначений в латыни и древнегреческом, определявших краски античного мира. На основании рассмотренного материала докладчик пришел к выводу, что античность ценила яркие, блестящие цвета и светлые тона.

Особенно близок грекам и римлянам был сверкающий золотистый цвет, а все другие оттенки желтого они причисляли к тем неприятным и даже зловещим. Само противопоставление блестящих и матовых цветов может быть восстановлено уже для праиндоевропейского языка.

Л.И. Акимова (ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва) выступила с докладом «Раннегреческий хроматизм в его отношении к пространству—времени». В качестве отправной точки для анализа исследовательницей был выбран крито-микенский расписной саркофаг (ок. 1400 г. до н.э.). Л.И. Акимова подробно остановилась на рассмотрении обрядово-мифических сцен, изображенных на всех четырех сторонах памятника. При анализе в фокусе оказывалась не только сюжетная, но и хроматическая составляющая изображений. В докладе было показано, что проблемы колорита микенско-минойского искусства принципиально важны для понимания художественного мышления и в древности, и в новое время.

А.А. Новохатько (Университет Фрейбурга, Германия) посвятила свой доклад теме «Тьма и мрак в древней аттической комедии». На материале комедии V в. до н.э. через концепт мрака и тьмы докладчица рассмотрела три аспекта: религиозные и космогонические основы полиса, некоторые социальные его установки и языковой аспект, т.е. внедрение «тьмы и мрака» в язык риторики и литературной критики. А.А. Новохатько убедительно показала, насколько сложным и неоднозначным было воплощение концепта тьмы и мрака в разных формах греческой мысли.

Доклад «*Pallentiaora* (комментарий к X, 822, Verg. Aen.), или К вопросу о семантике цвета в “Энеиде” Вергилия» представила **Т.Ф. Теперик** (МГУ). Докладчица обратилась к тонкой, пропитанной поэтикой психологии теме — описанию цвета человеческого тела, в первую очередь лиц персонажей «Энеиды». Как показала Т.Ф. Теперик, именно цветовая семантика, которую использует Вергилий для описания персонажа, становится индикатором психологического состояния и внутренней жизни литературного героя.

Значительное количество докладов было посвящено цветовой триаде «черный — белый — красный» (далее — ЧБК) применительно к Балканам в свете лингвистических, искусствоведческих и этнографических данных. Их рассмотрение мы начнем с доклада **В. Фридмана** (Чикагский университет, США) “Balkanisms of Color: Black, and White and Red All Over” («Балканализмы в цвете: черный, белый и красный везде»). На выбранном материале балканских языков докладчик продемонстрировал, что терминология цветообозначения помимо

денотативной имеет и коннотационную семантику, отраженную в культуре. Это в некоторой степени обусловлено заимствованием терминов, обозначающих цвета, из других языков посредством культурных контактов.

Доклад **И.А. Седаковой** (Институт славяноведения РАН, Москва) «*Свет и цвет* в романе Петре М. Андреевского “Пырей”» был посвящен тому, как традиционные балканские цветовые предпочтения реализуются в литературном произведении за счет визуальной стилистики и изобразительных средств. Мир романа окрашен в архаичные цвета балканской триады со значительным перевесом черного и белого, коррелирующих с концептами света и тьмы, дня и ночи. Однако символика этих цветов в романе неоднозначна. Темнота, будучи воплощением негативного, может получать и положительную интерпретацию, например, в контексте возможности скрыться от стыда. На убедительных примерах И.А. Седакова показала также авторскую амбивалентность света. Символика света и цвета является важной частью художественного мира романа, но она интересна и за рамками произведения, поскольку фольклорная составляющая романа открывает читателю и исследователю целостную картину балканских представлений о мире.

Поискам операционных семантических моделей, описывающих балканский спектр, был посвящен доклад **Н.В. Злыдневой** (Институт славяноведения РАН, Москва) «Мифопоэтические модели балканского спектра в искусстве и литературе XX века». На материале изобразительного искусства и литературы балканских народов XX в. автор предложила выделять четыре модели, которые соответствуют структуре архаического мифологического мышления балканского человека и укладываются в единое пространство балканской модели мира. Особый акцент Н.В. Злыднева сделала на архаической цветовой триаде ЧБК, соотнеся ее с мифологическим описанием символической полноты мира.

Важность и укорененность данной триады и ее отдельных составляющих были продемонстрированы также на материале этнографии и фольклора. Так, **З. Шмитек** (Люблянский университет, Словения) в докладе “Symbolism and Classification of Colours in the Slovenian Folk Culture” («Символика и классификация цветов в народной культуре словенцев»), опираясь на данные словенских фольклорных сюжетов, рассмотрел семантику цвета и наделение мифологических персонажей теми или иными цветовыми характеристиками. В качестве знаковых автор выделил не только основную триаду, но также цвет золота и серебра, зеленый, желтый, синий, коричневый и серый цвета.

В своем сообщении «Цвет на границе миров: семантика цвета в похоронной обрядности албанцев Приазовья» **Д.С. Ермолин** (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) проанализировал цветовую триаду ЧБК в контексте подготовки и проведения процедуры похорон и проследил за тем, как распределяются и какую коннотационную семантику имеют (согласно представлениям албанцев) данные цвета в мире, в который человек (или его душа) попадает после смерти.

Танатологическую тематику продолжил **Л. Раденович** (Институт балканистики САНИ, Сербия), выступивший с докладом «Красный цвет в погребальной обрядности и народной демонологии славян». На обширном этнографическом материале, подкрепляя положения многочисленными примерами, зафиксированными у всех групп славян, автор продемонстрировал бытование красного цвета в похоронной обрядности и мифологических нарративах. Красное как признак мифологических существ указывает, во-первых, на то, что они чужие в человеческом обществе, и, во-вторых, что они связаны с пространством смерти и являются источником постоянной опасности для живых.

М. Менцей (Люблянский университет, Словения) посвятила свой доклад “Witches in the shape of lights and fires” («Ведьмы в форме световых пятен и огней») ипостасям, световым и световым характеристикам ведьм и других мифологических персонажей. Проанализировав обширный корпус литературы по балканской и славянской демонологии, а также собственные полевые материалы, М. Менцей пришла к выводу, что в основе большинства представлений о мифологических персонажах в форме световых пятен и огненных шаров лежат поверья о душах умерших (в том числе некрещеных младенцев, нечистых покойников и пр.).

Доклад **Л.Н. Виноградовой** (Институт славяноведения РАН, Москва) «Светоносные ночные духи в мифологии западных и южных славян» стал логическим продолжением и дополнением материала, изложенного словенской коллегой. При подаче своего материала, Л.Н. Виноградова, во-первых, типологизировала существа огневой природы по принципу их месторасположения на вертикальной оси мифологического пространства; а во-вторых, рассмотрела терминологию для наименования «блуждающих огней» в локальных традициях западных и южных славян. В этой связи докладчица обратилась к вопросу о происхождении данных демонических существ из душ различных категорий умерших. И наконец, Л.Н. Виноградова подробно остановилась на демонологических функциях «блуждающих огней» в свете их вредоносности и полезности для человека.

В докладе **Л. Попович** (Белградский университет, Сербия) «Блеск как прототип цвета в языковой картине мира славян» была выдвинута гипотеза о том, что прототипом категории цвета является блеск, впоследствии замещенный более поздним представлением о цвете как о колористическом образце, наиболее часто встречающемся в естественном окружении. Альтернативное прочтение семантики некоторых привычных терминов цветообозначения автор подкрепляет примерами из сербских, русских и украинских фольклорных текстов.

Традиционный костюм является наиболее очевидным воплощением цветовых предпочтений того или иного этноса. Обзор данного аспекта представил в своем докладе **А.А. Новик** (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) на примере албанского традиционного костюма — «Краситель—краска—цвет—свет в одежде и традиции албанцев». Триада ЧБК на сегодняшний день является самым распространенным цветовым сочетанием в народной одежде албанцев в разных регионах страны. Однако изначальными были природные цвета самих материалов, которые фигурировали в элементах костюма пастухов и хлебопашцев. Постепенно, с приобретением умения получать красители из природных материалов, а также с использованием с середины XIX в. химических красок, албанский костюм стал полихромным.

Цветовой гамме традиционного костюма было посвящено также сообщение **А.П. Якимовой** (Институт славяноведения РАН, Москва) «Цвет одежды как маркер жизненного пути болгарина». Докладчица рассмотрела цветовые предпочтения болгар в одежде сквозь призму ритуалов жизненного цикла: рождение, свадьба и смерть. А.П. Якимова пришла к выводу, что функциональная нагруженность основных жизненных этапов человека определяет в болгарской традиции и цвет одежды, сопутствующей данным ритуалам: цветовой максимум приходится на середину жизни и свадебный цикл; минимально использование цвета в ритуалах рождения и смерти.

Трактовка цветового кода в контексте традиционной картины мира славян прозвучала в докладе **О.В. Беловой** (Институт славяноведения РАН, Москва) «Цветовой код народной культуры в словаре “Славянские древности”». Концепция данного этнолингвистического словаря предусматривает специальную рубрику «Атрибутивы» (качества и признаки), в которой приводится описание значимых для традиционной культуры хроматических признаков. В рубрику вошли статьи, посвященные следующим цветам: белый, желтый, зеленый, красный, синий, черный, а также отдельная статья «Цвет», призванная обобщить разветвленную символику цвета в различных областях традиционной культуры славянского мира.

Анализ цветовой символики в славянской культуре также представила **А.А. Плотникова** (Институт славяноведения РАН, Москва), подробно рассмотрев данный концепт в цикле родинной обрядности в докладе «Цветовой спектр при определении судьбы ребенка у славян на Балканах: рубашечка новорожденного». Рождение ребенка в «рубашке» (т.е. с остатками амниотической оболочки на теле) считалось знаком исключительной судьбы. В зависимости от цвета такой «рубашечки» судили о том, что ожидает человека в будущем. Белая «рубашечка» свидетельствует о том, что новорожденного ждет судьба героя, способного бороться с ведьмами и колдунами. Иные цветовые «рубашки» (красная, голубая, черная или зеленая) наделяют младенца отрицательными качествами: они знаменуют рождение ведьмы, демона или человека, способного к сглазу.

В докладе **Н.В. Голант** (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) «Цветовая символика в румынских традиционных оберегах и цветовые характеристики мартовских нитей» была развита идея полисемии цветового кода на Балканах. Румыны использовали красную нить в качестве апотропея в разнообразных обрядах жизненного цикла. Главной же нитью-оберегом у них является красно-белая мартовская нить. По мнению докладчицы, семантика красной нити связана с защитной функцией, белой — с симпатической магией, направленной на сохранение/приобретение красоты.

А.Е. Тунин (Институт славяноведения РАН, Москва) представил сообщение «Цветовой код в новогреческих загадках». В рассмотренных текстах цветовой код может применяться как имплицитно (при помощи других кодов — предметных и пр.), так и эксплицитно, когда цвет называется напрямую. Проанализировав значительный корпус загадок, докладчик пришел к выводу, что цветовой код наиболее активно используется для кодирования астрономических, растительных и «химических» денотатов. Набор цветов стремится к простоте: используются преимущественно основные цвета — белый и черный, реже упоминаются красный, зеленый и желтый.

На конференции также прозвучали два доклада, темы которых были связаны с изучением фитонимии на русском и южнославянском материале. Первый из них — **А.Б. Ипполитовой** (РГГУ, Москва) «Цвет в слове и цвет в изображении: соотношение спектров в тексте и миниатюрах лицевого травника конца XVIII века». Русские «народные» травники — это рукописные описания растений и их полезных для человека свойств. Рисунки иллюстрируют комментарии к растениям в наивной манере, причем художник не всегда передает те цветовые характеристики, которые были заявлены в тексте. Интерес

вызывают собственно 16 цветообозначений, представленные автором доклада в соответствии с частотой их использования в текстах травника.

В.Б. Колосова (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «“Огненные” травы в славянской народной ботанике» исследует названия растений, в которых проявляется связь с огнем. Основанием для сравнения с огнем может служить красный, желтый или оранжевый цвет лепестков, кроме того — острый, жгучий вкус растения; его свойство обжигать, а также уподобление солнцу. Символика «огненных» трав проявляется не только в названиях, но и в народных поверьях, связанных со свойствами таких растений.

Помимо этнографических и этнолингвистических исследований в контексте изучения света и цвета на Балканах на конференции также были представлены выступления, посвященные лингвистической балканистике и балканской диалектологии.

А.Н. Соболев (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Румынские штудии Копитара и возникновение академической балканистики» затронул ряд вопросов, важных в настоящее время для балканистики как науки, изучающей языковые и культурные соответствия у народов Балканского полуострова. Докладчик обратился к фундаментальному труду Е. Копитара “Albanische, walachische und bulgarische Sprache” (1829 г.), цитата из которого о единстве формы балканских языков при тройности их материи стала лейтмотивом в исследованиях балканистов. Рассмотрение текста Е. Копитара является актуальным для представления полной картины авторских взглядов на балканские лингвистические проблемы. В своем труде автор сжато касается тех вопросов, которые интересуют балканистов и по сей день: проблемы установления родства языков, теория языкового союза, вопрос о том, в каком виде существует и воспроизводится балканская языковая и культурная парадигма и т.д.

Вопросы развития албанского языка были озвучены в докладе **А.Ю. Русакова** (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Некоторые изоглоссы на диалектной карте Албании: контактное влияние или внутреннее развитие». Автор привел общую схему истории членения албанского языка на два основных диалекта, тоскский и гегский, в которой выделяются следующие этапы: VIII и X вв. н.э. — начало разделения «общеалбанского» на гегский и тоскский; от X–XI до XIV–XV вв. — конвергентное гегско-тоскское развитие и стабилизация некоторых основных балканлизмов, представленных на лингвистической карте Албании в наше время. Основное внимание в докладе было уделено рассмотрению грамматических и фонетических особенностей

диалекта албанского языка региона Дибра, где наблюдается как сохранение среднегегских черт, так и отсутствие обще-гегских инноваций. С другой стороны, диалекту присущ ряд черт, вызванных возможным славянским влиянием, что позволяет считать этот регион центром контактных изменений.

Е. Адаму (Лаборатория LACITO, Франция) в докладе “A temporal set of uses of the deictic suffixes in a Pomak variety of Thrace, Greece” («Темпоральное употребление деиктических суффиксов в диалекте помаков Фракии, Греция») анализировала использование деиктических суффиксов для выражения пространственно-прагматических и временных отношений для категории существительных в одном из помакских диалектов Греции. Если использование данных суффиксов для обозначения пространственных отношений характерно для разных славянских говоров, то обозначение ими темпоральных значений (прошлое и будущее время) нетипично и является отличительной чертой конкретного помакского диалекта.

Е. Бужаровска (Университет св. Кирилла и Мефодия, Македония) в докладе “The polysemy of *saka* in the Balkan context” («Полисемия *saka* в балканском контексте») рассмотрела все многообразие семантических оттенков лексических значений македонского глагола *saka* (‘хотеть, любить, нравиться’ и др.) в сопоставлении с аналогичными конструкциями в других балканских языках. В качестве вывода докладчицей была предложена классификация значений данного глагола, учитываяшая семантику, темпоральные грамматические оттенки и контекст употребления.

Р. Александер (Калифорнийский университет в Беркли, США) представила в своем докладе «Балканские диалекты и балканская модель мира» научный проект с рабочим называнием «Болгарская диалектология как живая традиция» (“Bulgarian Dialectology as living tradition”). Будущее издание представляет собой 60 часов записи полевых материалов, собранных в 35 областях Болгарии, снабженных транскрипцией, лингво-культурологическими пояснениями и переводом на английский язык. Каждый образец того или иного болгарского диалекта демонстрирует его основные лингвистические особенности, к тому же являясь связным рассказом, отсылающим исследователя к конкретной местной традиции. Подобная систематизация полевых материалов полезна для осмыслиния кросскультурных и языковых явлений на примере балканского языкового союза и может послужить базой для балканистов-диалектологов.

В заключение обзора авторам хотелось бы отметить высокий уровень организации «Балканских чтений». Удачная компоновка докладов по тематическому принципу и их обсуждение

способствовали более глубокому пониманию проблематики, а участники имели возможность ближе познакомиться с работой коллег, как во время заседаний, так и в кулуарных беседах. Многие доклады сопровождались слайдовыми презентациями и демонстрацией фото- или аудиоматериала.

Помимо научных докладов, в рамках конференции прошла презентация переводов художественных произведений современных македонских авторов, выполненных сотрудником посольства Республики Македония в РФ О.В. Панькиной. П. Асенова также представила научному сообществу аннотированную библиографию болгарского журнала «Сопоставительное языкознание» за 1976–2009 гг. [Анотирана библиография 2009].

Материалы конференции опубликованы в сборнике [Балканский спектр 2011], где, помимо рассмотренных, представлены тезисы докладов, авторы которых по разным причинам не смогли лично принять участия в чтениях.

Библиография

Анотирана Библиография 1976–2009. Съпоставително езикознание. София: Софийски университет «Св. Климент Охридски», 2009.
Балканский спектр: от света к цвету. Балканские чтения 11: Тезисы и материалы / Ред. колл. М.М. Макарцев, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М.: ПРОБЕЛ—2000, 2011.